

А что это вы себе позволяете, товарищ, пока еще товарищ, Сташкевич? Вон, товарища Виноградского мы уже предупредили...». В общем, печально закончился наш весенний праздник «Интервенции». Когда вышел фильм Г. Полоки (кстати, Славину фильм категорически не понравился, но как человек творческий и глубоко интеллигентный, он отстаивал ленту в самых высоких инстанциях, вплоть до ЦК КПСС. Не помогло, фильм пролежал на полке двадцать лет. Ходили слухи, что его смыли раз и навсегда. По счастью, фильм уцелел, и мы увидели его), так вот, когда фильм «Интервенция» с Высоцким, Юрским, Золотухиным, Аросовой вышел на экраны, мы увидели – он сделан в том же ключе, что и наш спектакль. По словам Фильки-анархиста: «Революция тебя надула. Контрреволюция тебя надула». Только в нашем спектакле было больше Одессы и весны – все-таки играли в нем очень молодые одесситы.

Увы, спектакль – не фильм. И его больше никто никогда не увидит. Москва, Нью-Йорк, Иерусалим – поразъехалась, поразбежалась труппа моего любимого театра. А те, кто остался, больше на сцене не играют. Да впрочем, и какие там спектакли в наше время! Вот и к столетию Славина не дают «Интервенцию» на одесских подмостках. Ну что ж, сегодня не дали, но пьеса-то все равно чертовски хороша. И, как всякое большое произведение искусства, современна. «Какая весна, товарищи, какое небо!» Мы еще увидим вашу «Интервенцию», Лев Исаевич! А может, и Олег Сташкевич вернется к старой работе...

Юрий Хацеватский

На смерть Олега Сташкевича

Я всегда его буду помнить таким, каким впервые увидел: в 66-м году на одной из репетиций КВН. Я тогда был известным драчуном и всех, кто нежданно появлялся в круге моего внимания, оценивал с точки зрения «а не пора ли дать ему в морду?».

Невероятно, но он почувствовал эти мои гамлетовские сомнения, улыбнулся и представился: «Олег!».

Рядом и вместе

Я понял, что никакой опасности он из себя не представлял. А зря...

Именно он через два года – в 68-м – показал мне прекрасно изданную книгу Людвика Ашкенази «Черная шкатулка». Эта книга настолько меня поразила, что я поставил в институте вечер, где со сцены несло:

Больше всего на свете люди обожают играть в шарики – Глиняные, оловянные, стеклянные, серебряные...

...ну и так далее – очень антивоенные стихи. После вечера меня вызвали в деканат, где я узнал о событиях в Чехословакии, о танках и о том, что Людвиг Ашкенази предатель, потому что эмигрировал. И поскольку из института за эту «провокацию» меня отчислили, то получилось, что я у Олега оказался политическим крестником.

А он стал одним из моих крестных – опять-таки политических.

Жизнь нас разбросала, мы не виделись десятилетиями – однажды только коротко встретились в Чикаго – но это скорее исключение, повезло! Однако приветы друг другу передавали регулярно.

И вот я узнаю о том, что Олега больше нет.

И тогда я злюсь: как это нет? Нет нашей юности? Нет стихов? Нет наших друзей и подружек? Неужели уходит с концами наше время?

А он вдруг как из воздуха возникает передо мной – он теперь это умеет, он уже в другой лиге! – короче, появляется ниоткуда со своей ироничной улыбкой и говорит:

– Ты думаешь, что наше время уходит? Фигня это все! Это не время уходит, это уходит наше поколение, уходим мы. А время остается! И мы остаемся в нем – и стихи, и друзья-подружки, и наша любимая музыка: Вивальди, Моцарт, Стравинский – все остается в нем, во времени. Потому что это время *наше*!

